

Национальное строение в многонациональных государствах: к сравнительному анализу российских регионов

Адам Чарльз Лентон, Университет Джорджа Вашингтона (США). Lenton@gwu.edu

Аннотация: Статья посвящена анализу национального строения (nation-building) в многонациональных государствах. В статье приводится концептуальное осмысление национального строения как процесса, регулирующего этнические границы, который может склоняться как к установлению и сглаживанию границ, так и к объединению групп под наднациональной идентичностью. Перспективными примерами для анализа пространства между этими двумя формами национального строения являются многонациональные государства.

Национализм представляет собой дилемму между двумя противоположными взглядами на легитимное политическое сообщество. Первый придает легитимность руководящим институтам *государства* с его монополией на законное применение насилия в пределах его границ.¹ Второй дает легитимность политическому сообществу, *нации*, которая должна обладать политической властью от имени своих членов. Оба взгляда определяют границы политического сообщества и его отношение к государству, которое давало существенный толчок националистическим движениям, поскольку, как писал Эрнест Геллнер, границы *нации* и *государства* редко совпадали.² Проще говоря, национальное строение – это процессы, в течение которых конструируются национальные большинство, одновременно решающие вышеупомянутую дилемму.³

Эта ключевая дилемма национализма едва отошла на второй план в XXI-м веке. Если государство-нация давно является доминирующей и наиболее легитимной формой государственного устройства, не менее верен и тот факт, что относительно малое количество государств ими являются на практике. Приблизительно подходят такие этнически гомогенные страны, как Япония, Польша, и Норвегия, в которых одна титульная нация владеет монополией политической легитимности. Однако, большинство государств – многонациональные, такие как Индия, ЮАР, или Российская Федерация, в каждом из которых живут несколько этнических, религиозных, и языковых групп с определенными претензиями.

---

¹ Max Weber, *Politics as a Vocation*, 1919.

² Ernest Gellner, *Nations and Nationalism* (Cornell University Press, 1983).

³ Harris Mylonas defines nation-building as “the process through which these majorities are constructed.” See Harris Mylonas, *The Politics of Nation-Building: Making Co-Nationals, Refugees, and Minorities, Problems of International Politics* (Cambridge: Cambridge University Press, 2013), 17, <https://doi.org/10.1017/CBO9781139104005>.

Вызов национального строения: два подхода урегулирования разнообразием

Как решается эта дилемма? Существуют два основных подхода к её решению. Один - удалить или смягчить этническую границу. Большинство ученых понимают нации как исторически обусловленные, которые формируются социальными, политическими и экономическими процессами.⁴ Следовательно, поскольку границы группы податливы, их часто приспособляют к административным. Пример Франции показателен: обязательное школьное обучение, призыв в армию, а также стандартизация и продвижение парижского диалекта французского языка сыграли важную роль в превращении «крестьян во французов» в XIX веке.⁵ Образование является наиболее известным из изученных механизмов, при этом значительная часть ученых подчеркивает влияние грамотности на национальном языке на результаты государственного строительства.⁶ Модернизирующиеся государства также извлекают выгоду из своей способности стандартизировать, перечислять и классифицировать людей, при этом ученые подчеркивают влияние политики классификации сверху вниз на то, как люди относятся к самым категориям.⁷

Однако есть и другой подход к проблеме границ: подход к устранению существующих различий или их согласованию. Это разделяет ту же фундаментальную озабоченность проблемой границ национализма, но вместо этого сосредотачивается на способах, которыми существующие нации могут сосуществовать в рамках одного государства или политической организации. Хотя этот подход менее распространен в литературе, он широко представлен в исследованиях о федерализме, а также в трудах о международных организациях и региональной интеграцией.

Богатая литература по федерализму и демократии ставит под вопрос гомогенизирующую тенденцию национальных государств: *демос* не обязательно должен быть *этносом*. Но исторический климат, который обеспечил

---

⁴ Alexander Maxwell, 'Primordialism for Scholars Who Ought to Know Better: Anthony D. Smith's Critique of Modernization Theory', *Nationalities Papers* 48, no. 5 (September 2020): 826-42, <https://doi.org/10.1017/nps.2019.93>; Harris Mylonas and Maya Tudor, 'Nationalism: What We Know and What We Still Need to Know', *Annual Review of Political Science* 24 (2021).

⁵ Eugen Weber, *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870-1914* (Stanford University Press, 1976), <http://www.sup.org/books/title/?id=3200>.

⁶ Karl W. Deutsch, *Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality*, 2nd ed., 1966; Gellner, *Nations and Nationalism*; Keith Darden and Anna Grzymala-Busse, 'The Great Divide: Literacy, Nationalism, and the Communist Collapse', *World Politics* 59, no. 1 (2006): 83-115.

⁷ Evan S. Lieberman and Prerna Singh, 'Census Enumeration and Group Conflict A Global Analysis of the Consequences of Counting', *World Politics* 69, no. 1 (2017): 1-53; Ronald Grigor Suny and Terry Martin, *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* (Oxford University Press, 2001); Dmitry Gorenburg, *Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation* (Cambridge University Press, 2003), <https://www.cambridge.org/us/catalogue/catalogue.asp?isbn=0521818079>.

интеллектуальную основу для таких аргументов, ни в коем случае не был *национальным* в том смысле, в каком часто проводились дебаты о политической организации в XIX веке. Напротив, он уходил корнями в более чем два столетия, начиная с Реформации и охватывая европейские религиозные войны, Тридцатилетнюю войну и Просвещение. В то время, наиболее актуальными дебатами были не вопросы учета национального разнообразия, а религиозное разнообразие внутри политических организаций. Веками Католицизм представлял собой уникальный тип «наднациональной» идентичности на большей части территории Западной Европы, пока появление различных течений протестантизма не способствовало широко распространенной религиозной и политической розни на протяжении XVI-XVII веков.⁸

Для Томаса Гоббса, писавшего во время гражданской войны в Англии, авторитарный правитель - «Левиафан» - был необходим не просто для обеспечения жесткого арбитража над воюющими людьми, но должен был выполнять гораздо более фундаментальную роль в политическом сообществе: роль «великого определяющего», как выразился американский ученый Шелдон Волин, который будет регулировать единый политический язык в целях социальной сплоченности.⁹ В эпоху, отмеченную насилием вокруг различающихся толкований Священных Писаний, Гоббс предложил стереть эти интерпретирующие границы через стандартизацию и регулирование речи и мышления. Даже такие «либеральные» философы как Джон Локк оказывали поддержку идеям религиозной терпимости, поскольку в противном случае религиозные убеждения могут приводить к эмоционально мощным - и политически пагубным - претензиям.¹⁰

Становится ясно, что такие проблемы выходят за рамки самого государства и могут применяться к конфедерациям и политическим союзам. В то же время, когда Гоббс предложил «Левиафана» внутри общества для обеспечения социальной сплоченности, мыслители в других странах Европы начали серьезно рассматривать возможность некоего «общего совета Европы» [*conseil Générale de l'Europe*], который мог бы предложить наднациональное решение религиозной и гражданской розни. Идея наднационального европейского государства горячо обсуждалась на протяжении XVII-XVIII веков как гарант «вечного мира» такими фигурами, как Вольтер и Руссо, однако самым обсуждаемым трактатом стало эссе Канта (1795 г.).¹¹

---

⁸ Adrian Hastings, *The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism* (Cambridge University Press, 1997); Robert Tombs, *The English and Their History* (VINTAGE, 2016); Philip S. Gorski, *The Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe* (University of Chicago Press, 2003); E. J. Hobsbawm, *Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality* (Cambridge University Press, 2012); Jan Zielonka, *Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union* (OUP Oxford, 2007).

⁹ Sheldon S. Wolin, *Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought - Expanded Edition* (Princeton University Press, 2016), 232.

¹⁰ Ingrid Creppell, *Toleration and Identity: Foundations in Early Modern Thought* (Routledge, 2002), <https://doi.org/10.4324/9780203616451>.

¹¹ Patrick Riley, 'The Abbé de St.Pierre and Voltaire on Perpetual Peace in Europe', *World Affairs* 137, no. 3 (1974): 186-94; Michael W. Doyle, 'Liberalism and World Politics', *The American Political Science Review* 80,

Кант понимал противоречие между национальной и наднациональной идентичностями, которое влечет за собой такая интеграция. «Федерация свободных государств», как он подчеркнул, не станет международным (то есть наднациональным) государством:

«Это был бы союз народов, который, однако, не должен быть государством народов. В этом заключалось бы противоречие, ибо в каждом государстве существует отношение высшего (законодателя) к низшему (повинующемуся, т. е. народу); многие же народы в государстве (так как мы рассматриваем здесь право народов по отношению друг к другу, поскольку они образуют отдельные государства и не должны быть слиты в одно государство) составляли бы только один народ, что противоречит предпосылке.»¹²

Как предполагал Кант, «Федерация свободных государств» будет своего рода региональным «сообществом безопасности» среди существующих государств. Как описывал Карл Дойч, сообщество безопасности – «группа людей, которые интегрировались» – будет успешно институционализировано, когда: а) ценности, относящиеся к принятию политических решений, совместимы; б) подразделения могут быстро и неагрессивно реагировать на потребности и сообщения друг друга; и в) поведение членов будет взаимно предсказуемым.¹³ Позже, данная концепция будет применена международниками, например Эмануэлем Адлером и Майклом Барнеттом, которые, опираясь на Дойча, проводят различие между «зарождающимися», «восходящими» и «зрелыми» сообществами безопасности.¹⁴ Они подчеркивают важность коммуникативного и символического «клея» в формировании «областей социальных когнитивных и нормативных связей, которые могут побуждать людей идентифицировать себя и ожидать, что их безопасность и благополучие будут тесно переплетены» с людьми, разделяющими те же связи.¹⁵ Авторы отмечают, что развитие сообществ безопасности не обязательно должно происходить за счет выхода за пределы национального государства: гипотеза, которую более сознательно в последние годы стали исследовать специалисты Европейского Союза (ЕС), изучая степень формирования европейской наднациональной идентичности и ее связь с существующей национальной идентичностью.¹⁶ По мнению некоторых, в то время как ЕС достиг

---

no. 4 (1986): 1151–69, <https://doi.org/10.2307/1960861>; Hans Reiss, ed., *Kant: Political Writings*, trans. H.B. Nibset (Cambridge University Press, 1991).

¹² URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf, с.12.

¹³ Karl W. Deutsch, *Political Community and the North American Area*, 1968, 140, <https://press.princeton.edu/books/hardcover/9780691649429/political-community-and-the-north-american-area>.

¹⁴ Emanuel Adler et al., *Security Communities* (Cambridge University Press, 1998).

¹⁵ Adler et al., 59.

¹⁶ Richard K. Herrmann, Thomas Risse, and Marilynn B. Brewer, *Transnational Identities: Becoming European in the EU* (Rowman & Littlefield, 2004); Kathleen R. McNamara, *The Politics of Everyday Europe: Constructing Authority in the European Union* (Oxford University Press, 2015); Jeffrey T. Checkel and Peter J. Katzenstein, *European Identity* (Cambridge University Press, 2009); Thomas Risse, 'The Euro between National and

«гегемонии идентичности» - другими словами, прилагательное «европейский» все чаще понимается под его безмолвным эпитетом «союз», «европейская» идентичность обычно проявляется только среди профессиональных и социальных классов, которые имеют «глубокие экономические и социальные интересы», связи со своими коллегами по всей Европе», получая «материальную и культурную» выгоду от Европы и «с большей вероятностью путешествуя ради развлечения, работы и образования».¹⁷ Это произошло одновременно с переоценкой исторической цели ЕС: с одной стороны, общесоюзное гражданство было неотъемлемой частью послевоенных ценностей, которые привели к европейской интеграции.¹⁸ С другой стороны, ученые также начали переосмысливать основателей ЕС, чьи труды выявляют более явную поддержку наднациональной конструкции идентичности как главной цели союза.

В самом деле, важно учитывать, что такая «европейская» идентичность - не единственная возможная наднациональной идентичности, среди которой люди могут объединяться, к тому же само понятие «Европа» истолковывается по-разному. То, что социолог Роджерс Брубейкер определяет как «национальный популизм», также показывает, что дискурсивные цивилизационные границы - «христианский мир» - поддерживаются правыми популистскими партиями.¹⁹ Другими словами, хотя такие организации, как ЕС, обладают значительными ресурсами для разработки и участия в политике национального строительства, они не представляют единственно возможные категории идентичности выше уровня нации.²⁰

European Identity', *Journal of European Public Policy* 10, no. 4 (1 January 2003): 487-505, <https://doi.org/10.1080/1350176032000101235>; Thomas Risse, *A Community of Europeans?: Transnational Identities and Public Spheres* (Cornell University Press, 2015); Willem Maas, *Creating European Citizens* (Rowman & Littlefield Publishers, 2007); Laura Cram, 'Does the EU Need a Navel? Implicit and Explicit Identification with the European Union*', *JCMS: Journal of Common Market Studies* 50, no. 1 (2012): 71-86, <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2011.02207.x>; K Amber Curtis, 'Inclusive versus Exclusive: A Cross-National Comparison of the Effects of Subnational, National, and Supranational Identity', *European Union Politics* 15, no. 4 (1 December 2014): 521-46, <https://doi.org/10.1177/1465116514528058>; Ian Manners, 'Symbolism in European Integration', *Comparative European Politics* 9, no. 3 (1 July 2011): 243-68, <https://doi.org/10.1057/cep.2010.11>; Neil Fligstein, *Euroclash: The EU, European Identity, and the Future of Europe* (OUP Oxford, 2008); Judith G. Kelley, *Ethnic Politics in Europe: The Power of Norms and Incentives* (Princeton University Press, 2010).

¹⁷ Fligstein, *Euroclash*, 250.

¹⁸ Maas, *Creating European Citizens*.

¹⁹ Rogers Brubaker, 'Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective', *Ethnic and Racial Studies* 40, no. 8 (21 June 2017): 1191-1226, <https://doi.org/10.1080/01419870.2017.1294700>.

²⁰ Henry E. Hale and Marlene Laruelle, 'Rethinking Civilizational Identity from the Bottom Up: A Case Study of Russia and a Research Agenda', *Nationalities Papers* 48, no. 3 (May 2020): 585-602, <https://doi.org/10.1017/nps.2019.125>; Rogers Brubaker, *Ethnicity Without Groups* (Harvard University Press, 2004); Peter J. Katzenstein, *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives* (Routledge, 2009); John J. Mearsheimer, *Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities* (Yale University Press, 2018).

Несмотря на форму национального строения, есть консенсус, что общая идентичность может помочь сохранить социальную сплоченность и, возможно, смягчить некоторые из факторов, которые, по утверждениям ученых, вызывают конфликт между группами. В значительной степени критически относясь к понятию Юргена Хабермаса о «конституционном патриотизме», Линц, Степан и Ядав утверждают, что лояльность к нормам и ценностям всеобъемлющего либерального государства недостаточна без «других элементов символического и эмоционального характера, которых мы до сих пор недостаточно хорошо знаем», а именно «конституционно санкционированное уважение к общим символам, институтам и правам личности, что способствует поддержанию и воспитанию множественных, но взаимодополняющих, а не единичных и конфликтных идентичностей».²¹ Авторы предлагают использовать термин «государство-нация» [state-nation] для таких странах с высокой степенью культурного разнообразия, как Бельгия, Канада, Испания, Индия.

«Национальный вопрос» в России: маятник между двумя подходами

Если вернуться к концептуальному анализу национального строения, то именно в многонациональных государствах можно хорошо исследовать то, как политические деятели и граждане относятся к этим двум способам национального строения: удаление и смягчение этнических границ, или согласование различий внутри государства. Это имеет значение не только для данных обществ, но и в более широком смысле для понимания границ национальной и наднациональной лояльности в XXI веке.

Если выбрать одну тему, которая с незапамятных времен сбивала с толку и вдохновляла в равной мере, было бы трудно найти лучшего кандидата, чем тему о самоидентификации России. Распад Советского Союза привел к беспрецедентным социальным и экономическим потрясениям в Российской Федерации, при этом не было ясного представления о том, что станет источником народной легитимности нового государства. Россия веками была центром трансконтинентальной монархии, а также ядром марксистско-ленинского государства, которое официально отвергло национализм как идеологию. Что может стать основой лояльности граждан к государству в эти новые времена?

«Российская нация»

---

²¹ Alfred Stepan, Juan J. Linz, and Yogendra Yadav, *Crafting State-Nations India and Other Multinational Democracies* (Johns Hopkins University Press, 2011), 12,16; Jürgen Habermas, *The Postnational Constellation: Political Essays* (John Wiley & Sons, 2018).

Цели и политика федерального центра с 1991 г. в основном характеризовались продвижением единого проекта государственного строительства - российской нации. Границы и содержание этого проекта увеличивались и уменьшались с учетом электоральных угроз со стороны как националистов, так и коммунистов, отражая смещение гражданских и этнических элементов в официальном дискурсе и политике.²²

Ключевой интеллектуальной фигурой в продвижении идеи российской нации является Валерий Тишков, директор Института этнографии и антропологии РАН (1989-2015) и председатель Государственного комитета РСФСР-РФ по национальной политике (1992).²³ В этом отношении Россия мало чем отличается от других бывших коммунистических государств Евразии, поскольку национализирующие элиты находились в авангарде и в центре политики национального строительства.

Поскольку мысль Тишкова по национальным вопросам весьма близка к позиции администраций, стоит кратко резюмировать его концептуальное представление о российской нации.²⁴ Тишков описывает ее как «нацию наций», при которой «граждане России, сохраняя свою национальную, религиозную, культурную самобытность, ощущают себя россиянами, а Россию – своим единым Отечеством». ²⁵ Таким образом, проект строительства российской нации направлен не на превращение «осетин, татар, якутов... в россиян, ибо они и есть россияне, российская нация, но которые по своей этнической принадлежности остаются теми, кем себя считают». Тишков подчеркивает необходимость создания этой идентичности в национальном государстве, утверждая, что, хотя «мы не можем точно определить исторический момент рождения национального государства... но мы можем говорить о национализирующем государстве».²⁶

Таким образом, конструктивистский подход Тишкова к российской нации поставил его в противоречие с двумя влиятельными школами (в общем плане трудно полностью понять интеллектуальную позицию Тишкова без ссылки на то, против чего и против кого он выступал). Неудивительно, что советские и российские направления примордиалистической мысли идут вразрез с его концепцией о российской нации. Предшественник Тишкова в Институте

---

²² Oxana Shevel, 'Russian Nation-Building from Yel'tsin to Medvedev: Ethnic, Civic or Purposefully Ambiguous?', *Europe-Asia Studies* 63, no. 2 (1 March 2011): 189-90, <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.547693>.

²³ Indeed, Pal Kolstø claims that "the theoretical underpinnings of the Russian Federation-centred nation-building project are practically the work of one man, Valerii Tishkov." See Pal Kolstø and Helge Blakkisrud, *The New Russian Nationalism* (Edinburgh University Press, 2016), 32, <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9781474410427.001.0001>.

²⁴ Also referred to as the "rossiiskii narod."

²⁵ В. А. Тишков, *Этническое и Религиозное Многообразие – Основа Стабильности и Развития Российского Общества: Статьи и Интервью* (Московское бюро по правам человека "Academia", 2008), 4, <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/knigi/etnichesko2.html>.

²⁶ Тишков, *Российский народ. История и смысл национального самосознания*, 7.

этнографии и антропологии Российской академии наук Юлиан Бромлей (1921–1990) был очень влиятельной фигурой, которой Эрнест Геллнер приписывал «небольшую революцию» в советской антропологии.²⁷ Бромлеем была разработана типология этнических групп, которая частично отражала собственный территориально-административный образ Советского Союза, в котором этнические группы с политическими институтами - «этно-социальные организмы» - были по существу синонимами общепринятой терминологии, относящейся к этническим группам [национальности, этничности], тогда как группы без политических институтов, этникосы, находились ниже в концептуальной иерархии и отражали более низкий уровень исторического развития.²⁸

Правда, было бы несправедливо назвать Бромлея примордиалистическим мыслителем, сочетание «прилипчивости» этнической идентичности (в аналогичном смысле тому, что выражал Энтони Смит) плюс этническая иерархия делает примордиалистское прочтение его идей одновременно разумным. В этом смысле Бромлей напоминает другого влиятельного мыслителя, Льва Гумилева (которого первый критиковал как примордиалиста!), чей квази-биологический подход к идентичности, в котором вариации в «пассионарности» - типа биохимической энергии, обнаруживаемой в этнических группах, - служит движущей силой для роста и ослабления определенных этнических групп. Таким образом, российская нация как гражданское наднациональное сообщество противоречит как этно-националистическим, так и евразийским ветвям политической мысли.

Тишков также выступает против концептуализации, которая на первый взгляд кажется схожей с его собственной: концепции «многонационального народа» Российской Федерации. В некоторых отношениях его критика этой формы разнообразия более интересна с теоретической точки зрения, поскольку помогает выявить некоторые противоречия, присущие наднациональной российской нации, которую он продвигает. По мнению Тишкова, такой образ мышления несет в себе признаки разрушительного типа советской исключительности, которая, рассматривая государства, народы и нации как по существу этнически определенные - и институционализировав их как таковые, - невозможно сформировать сильный гражданский национализм.²⁹ Упор советской эпохи на «дружбу народов» оставался мощной основой и в современной России, в которой политическое сообщество рассматривается как мозаичное собрание отдельных этнических групп. Это, утверждает Тишков, не согласуется с опытом большинства многонациональных стран, как он описывает следующим образом:

---

²⁷ Ernest Gellner, 'Ethnicity and Anthropology in the Soviet Union', *European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie / Europäisches Archiv Für Soziologie* 18, no. 2 (1977): 201–20.

²⁸ Тишков, *Российский народ. История и смысл национального самосознания*, 61.

²⁹ В. А. Тишков, 'О Российском Народe', 2006, http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_rossijsk.html.

“Нациями могут называться представители всех российских национальностей, как каталонцы и баски в Испании, как шотландцы в Великобритании и квебекцы в Канаде, но также это допущение не должно подвергаться сомнению существование соответственно российской, испанской, британской и канадской наций.”³⁰

По этой причине Тишков критикует использование термина «многонациональный народ», поскольку он менее четко передает тот факт, что «эти две формы общности не являются взаимоисключающими и понятия «российский народ» и «россияне» не отрицают существования русского, татарского, осетинского, якутского и других народов нашей страны.»³¹ Однако можно дискутировать утверждение Тишкова, что «езде (кроме России) сама нация понимается как многоэтническое образование».³² Как я предполагаю далее, именно здесь российская нация сталкивается с концептуальными и теоретическими трудностями, имеющими важные последствия для неэтнических русских.

Национальное строение «Российской нации» с 1991-г.

Администрации Ельцина поначалу не удавалось реализовать политику, направленную на формирование этой идентичности. Во-первых, российскому государству не хватало институциональной базы и возможностей для этого в условиях быстрого перехода к рыночной экономике. Те меры, которые затронули вопросы идентичности, были направлены не столько на построение политической нации, сколько политическую либерализацию (см: о свободе вероисповеданий 1990-г.)³³ и установление юридических границ нового государства и его граждан (например, О гражданстве РСФСР от ноября 1991).³⁴ Более того, идея гражданской российской нации противоречила широко распространенному этническому взгляду на политическое сообщество. Нельзя не забывать, что 25 миллионов этнических русских находились в бывшем СССР, которое не могло не повлиять на конъюнктуру политической повестки дня. Важно отметить, что это мнение разделяли оба ключевых соперника Ельцина в тот период. Справа: националистическая Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) во главе с Владимиром Жириновским получила большинство голосов на думских выборах 1993 года; слева - Геннадий Зюганов из Коммунистической партии, в произведениях которого фигурировали не только этнические русские, но также

---

³⁰ Тишков, *Российский народ. История и смысл национального самосознания*, 8.

³¹ Тишков, *Этническое и Религиозное Многообразие – Основа Стабильности и Развития Российского Общества: Статьи и Интервью*, 80.

³² Тишков, 77.

³³ Законодательство России. Интеллектуальный поиск “О свободе вероисповеданий”, accessed 16 August 2021.

³⁴ О гражданстве РСФСР, accessed 16 August 2021.

украинцы и белорусы в составе «русской нации», и который едва не проиграл Ельцину во втором туре президентских выборов 1996 года.³⁵

Хотя эти вызовы сформировали как риторику, так и способность администрации Ельцина участвовать в национальном строении, в ранний постсоветский период были предприняты некоторые важные концептуальные и политические шаги.³⁶ В то время доминирующей парадигмой была парадигма либерального мультикультурализма, которая была представлена во многих трудах в Канаде, Соединенных Штатах и Западной Европе; Эмиль Пейн, этнограф, который работал советником Ельцина с 1996 по 1999 год, вспоминал, как это обсуждалось и как «предпринимались попытки имплементации ряда ее принципов в практику федеральных и региональных органов власти» на протяжении всего этого периода.³⁷

Возможно, наиболее явным заявлением о приверженности государства построению идентичности в рамках этой парадигмы является Преамбула и Раздел 1 статьи 3 Конституции России 1993 года, в которой политическое сообщество определяется как «многонациональный народ» Российской Федерации. Это было подтверждено в первой Концепции государственной национальной политики российской федерации, принятой указом президента в 1996 году,³⁸ а также в Законе «О национально-культурной автономии», который отводил федеральному правительству вспомогательную роль в финансировании и поддержке этнических сообществ в регионах России.³⁹ Это было направлено на то, чтобы поставить этнокультурную деятельность под четкий государственный надзор и, в более широком смысле, на отделение этнической принадлежности от политики путем направления государственной поддержки аполитичным культурным организациям (которые не могли принимать участие в избирательных кампаниях или формировать партии), которые оказались популярными даже среди региональных лидеров, которые рассматривали рамки как способ приспособить этнические группы, проживающие в республиках.⁴⁰ Количество таких НКО росло

---

³⁵ Vera Tolz, 'Forging the Nation: National Identity and Nation Building in Post-communist Russia', *Europe-Asia Studies* 50, no. 6 (September 1998): 1011, <https://doi.org/10.1080/09668139808412578>.

³⁶ Yeltsin's 1994 New Year Address, for instance, directly addressed "compatriots" [*sootchestvenniki*] living abroad. See Tolz, 1009.

³⁷ Эмиль Паин, 'Управление Культурным Разнообразием: Исторические Модели и Современная Практика в Сфере Регулирования Этнополитических Отношений', *Вопросы Государственного и Муниципального Управления* 4 (2017): 81.

³⁸ 'Об Утверждении Концепции Государственной Национальной Политики Российской Федерации' (1996), <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102161949&backlink=1&&nd=102041930>.

³⁹ 'О Национально-Культурной Автономии' (1996), <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041937&rdk=0>.

⁴⁰ Alexander Osipov, 'National-Cultural Autonomy in Russia: A Matter of Legal Regulation or the Symbolic Construction of an Ethnic Mosaic?', in *Managing Ethnic Diversity in Russia* (Routledge, 2012).

и включает организации в регионах, представляющих интересы этнических русских.⁴¹

Когда дело дошло до образования, отсутствие потенциала для национального строительства было очевидным. В то время как Закон об образовании 1992 г. поместил гражданское сознание в основу политики и гарантировал гражданам право на базовое общее образование на их родном языке, у государства было мало возможностей для активного развития любой гражданской идентичности среди молодежи.⁴² Не было жизнеспособных пост-марксистских версий «истории Российской Федерации», которые служили бы фундаментом для национального образования. Одно издательство «Просвещение» даже извлекло выгоду из этого вакуума, продав несколько тысяч дешевых копий учебников конца XIX – начала XX веков.⁴³ Точно так же некоторым этническим республикам России была предоставлена полная свобода в создании своих собственных республиканских историй для включения в региональные учебные программы.

Только к концу 1990-х годов начали публиковаться официальные списки одобренных и рекомендованных на федеральном уровне учебников.⁴⁴ Однако к тому времени проблема заключалась в том, что студенты по всей стране учились по тысячам учебников, поскольку частные компании и региональные власти заполняли пост-марксистский вакуум.⁴⁵ Более конкретные шаги стали предприниматься во время первого президентского срока Путина в контексте усиления федерального контроля над регионами.

Национальная доктрина образования 2000 г., федеральная программа 2001 г. по «развитию единого образовательного пространства» по всей стране и дальнейшее постановление правительства 2001 г. «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 гг.» ознаменовало сдвиг в сторону более централизованной образовательной политики.⁴⁶

---

⁴¹ Osipov, 70.

⁴² 'Федеральный закон "Об образовании"' (1992), <https://rg.ru/1992/07/31/obrazovanie-dok.html>.

⁴³ Vitaly Bezrogov, 'If the War Comes Tomorrow': Patriotic Education in the Soviet and Post-Soviet Primary School', in *Soviet and Post-Soviet Identities*, 2012, 116; А.Н. Фукс, 'Значение Школьных Учебников Отечественной Истории Для Идеологического Обеспечения Национальной Безопасности', *Вестник МГОУ. Серия: История и Политические Науки*, no. 1 (2015): 6.

⁴⁴ Mendeloff D. Demystifying Russian Textbooks // ISRE Newsletter on Russian and Eurasian Education. 1997. Vol. 6. No 1. P. 16-20, cited in Левинтова, Е., & Баттерфилд, Д. (2009). Как формируется история и отношение к ней: школьные учебники о новейшей российской истории. *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*, 101(3): 104.

⁴⁵ Вяземский Е. Е. Школьные учебники истории: опыт постсоветской России и мировая практика // *Имидж*. 2005. № 8., cited in Огоновская, Изабелла Станиславовна. "Школьный учебник отечественной истории. Учебные издания как исторический источник." *Документ. Архив. История. Современность*. Вып. 12 (2011): 267.

⁴⁶ Левинтова, Е., & Баттерфилд, Д. (2009). Как формируется история и отношение к ней: школьные учебники о новейшей российской истории. *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*, 101(3): 104.

Кроме того, в 2007 году с принятием Федерального государственного образовательного стандарта был отменен региональный компонент учебных программ, который вступил в силу с 2010 года. Полномочия по принятию решений по необязательной части учебной программы был передан от региональных властей к «участникам образовательного процесса», то есть родителям и местным школьным властям. К 2009 году введение Единого государственного экзамена (ЕГЭ) также послужило стандартизации знаний, которые студенты должны будут получить при поступлении в университет.⁴⁷

Федеральный надзор еще больше усилился в течение третьего срока Путина (2012-2018 гг.), и характеризуется поворотом к более открытым подходам национального строения в сфере исторического образования.⁴⁸ В 2013 году на своей ежегодной пресс-конференции Путин заявил, что «учебники истории должны иметь объединяющую концепцию», и осудил тот факт, что «в этом году в список рекомендуемых учебников истории входит более 65 произведений».⁴⁹ В результате федеральное правительство совместно с Российской академией наук приступило к созданию единого учебника истории.

Либерализация в отношении свободы вероисповедания также стала дополняться нормативными актами, которые пытались определить отношение религии к общественной сфере. Закон 1997 г. «О свободе сознательных и религиозных объединений» впервые отметил «особую роль православного христианства в истории России», а также ислама, иудаизма и буддизма как «неотъемлемой части исторического наследия народов России», но также отличался привязкой регистрации религиозных организаций к гражданству, а также требовал, чтобы организации, которые действовали в России менее 15 лет (т.е. не санкционированные советскими властями) ежегодно перерегистрировались до тех пор, пока они не достигнут 15 лет непрерывной работы, таким образом де-факто создавая иерархию между так называемыми «традиционными» и нетрадиционными религиями – прецедент, который потом

---

⁴⁷ Dilyara Suleymanova (2018) Between Regionalisation and Centralisation: The Implications of Russian Education Reforms for Schooling in Tatarstan, *Europe-Asia Studies*, 70:1, 53-74, DOI: 10.1080/09668136.2017.1413171

⁴⁸ Sanina, Anna. *Patriotic Education in Contemporary Russia: Sociological Studies in the Making of the Post-Soviet Citizen*. Columbia University Press, 2017. Anne Le Huérou (2015) Where Does the Motherland Begin? Private and Public Dimensions of Contemporary Russian Patriotism in Schools and Youth Organisations: A View from the Field, *Europe-Asia Studies*, 67:1, 28-48, DOI: [10.1080/09668136.2014.988999](https://doi.org/10.1080/09668136.2014.988999), Marlene Laruelle (2015) Patriotic Youth Clubs in Russia. Professional Niches, Cultural Capital and Narratives of Social Engagement, *Europe-Asia Studies*, 67:1, 8-27, DOI: [10.1080/09668136.2014.986965](https://doi.org/10.1080/09668136.2014.986965), Шнирельман, В.А. '«Общее прошлое»: федеральные и татарстанские школьные учебники истории'. *Историческая Экспертиза*, no. 4 (2016): 111-33.

⁴⁹ <https://rg.ru/2013/04/25/uchebnik-anons.html>, cited in Шнирельман, В.А. '«Общее прошлое»: федеральные и татарстанские школьные учебники истории'. *Историческая Экспертиза*, no. 4 (2016): 111-33.

стал усиливаться.⁵⁰ И Русская Православная Церковь, и Духовное управление мусульман Европейской части России (ДУМЕР) опубликовали доктринальные концепции, излагающие свои позиции по социальным и гражданским вопросам в 2000 и 2001 годах соответственно.⁵¹

Несколько других институтов свидетельствуют о растущей способности федерального центра в период правления Путина и Медведева в продвижение политики национального строения. В 2007 году был основан Общероссийский Союз общественных организаций «Русская нация, который с 2008 года также издает академический журнал по вопросам национального строительства и национализма (Тишков является председателем редколлегии).

Изменение в идентичности россиян с 1991 г.

Как изменилось отношение граждан России к политическому сообществу с 1991 года? Одно крупное исследование, проведенное Социологическим институтом Российской академии наук совместно с Фондом Фридриха Эберта, обнаружило устойчивое снижение в период с 1998 по 2007 год отношения россиян к правам неэтническим русским, как показано на рисунке 1 ниже.

Рисунка 1: Отношение россиян к многонациональному характеру Российского государства, в % (допускался один вариант ответа)⁵²

Формулировка вопроса позволяет нам исследовать популярность различных взглядов на политическую нацию способом, который невозможен в других лонгитюдных исследованиях, которые часто спрашивают респондентов, согласны ли они с утверждением, что «Россия должна быть государством русских людей». В

⁵⁰ Tishkov 2013: 403.

⁵¹ Тишков, *Российский народ. История и смысл национального самосознания*, 410.

⁵² 'Русская Идентичность в Социологическом Измерении', 2007, 96, https://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html.

этой формулировке эти варианты ответа позволяют нам сделать вывод об относительной популярности трех различных позиций: гражданских националистов (синий цвет), «мягких» этнических националистов, которые принимают мультикультурный характер государства, но считают, что этнические русские должны иметь больше прав (оранжевый), и «жесткие» этнические националисты (серые). Мы видим, что последнее остается довольно маргинальным, в то время как остальные два в целом поддерживаются значительным числом респондентов. Тем не менее, существует явная тенденция к более иерархическому взгляду на права групп, который в годы, прошедшие после этих опросов, был дополнительно институционализирован и одобрен правительством. Авторы исследования также отмечают, что этническая идентичность стала более важной, чем гражданская идентичность, что отражает то, что Пал Колсте называет «этнизацией» русского национализма.⁵³

Таблица 1: С кем россияне испытывали чувство общности в 1992, 1998, 2004, и 2007 гг., % (количество, ответив «часто» и «иногда» | количество, ответив «не испытываю общности»)⁵⁴

С кем вы испытывали чувство общности?	1992		1998		2004		2007	
	«часто»	«иногда»	«часто»	«иногда»	«часто»	«иногда»	«часто»	«иногда»
С людьми той же национальностью	75	7	88	12	89	11	92	8
С гражданами России	71	6	74	24	79	22	85	15
С людьми из СНГ	49	21	47	53	49	51	62	38
С «Советскими людьми»	47	18	47	52	51	49	58	43
С людьми со схожими политическими взглядами	54	15	73	26	75	25	77	23

Как видно из таблицы 1 выше, хотя все больше респондентов сообщают о чувстве общности как с соотечественниками, так и с согражданами России, темпы роста этнической идентификации опережают темпы роста гражданской идентификации. Столь же примечательно то, что идентификация с бывшими советскими согражданами упала с 1992 года. Данные опроса, проведенного в рамках проекта «Новый русский национализм» (NEORUSS), демонстрируют аналогичную динамику в 2013 году и показаны в таблице 2 ниже.⁵⁵

⁵³ Kolstø and Blakkisrud, *The New Russian Nationalism*; 'Российская Идентичность в Социологическом Измерении', 29.

⁵⁴ 'Российская Идентичность в Социологическом Измерении', 30-31.

⁵⁵ Pål Kolstø, 'Nation-Building and Nationalism in Today's Russia (NEORUSS) (Completed)', accessed 21 August 2021, <https://www.hf.uio.no/ilos/english/research/projects/neoruss/index.html>.

Таблица 2: Насколько вы гордитесь..., % (неграждане и те, которые ответили «не знаю» не включены)⁵⁶

	Моя национальность	То, что я гражданин/ка России
Очень горжусь	52.1	42.8
Более горжусь чем нет	40.6	43.6
Не очень горжусь	4.5	10.1
Не горжусь	0.8	1.4
<i>№ респондентов</i>	999	1000

Не менее показательны и другие вопросы опроса: явное большинство согласны или полностью согласны с тем, что этнические русские «должны пользоваться преимуществами при назначении» на высокие посты в правительстве (73,8%), что «русский народ должен играть ведущую роль в российском государстве», причем явное большинство не согласны или полностью не согласны с утверждением «Необходимо, чтобы преподавание основных школьных предметов велось не только на русском языке, но на языке этнических групп, проживающих в данном районе» (66,8%).⁵⁷

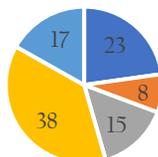
Эти данные полностью согласуются с российскими исследованиями. Например, исследование 2008 года, проведенное по заказу Министерства регионального развития Российской Федерации «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации» в 14 городах, показало, что большинство людей поддерживает утверждение «только один язык должен быть основным в стране» (60%). Показательно, что тот же опрос показал неоднозначную поддержку российской нации, как показано на рисунке 2:

---

⁵⁶ Kolstø.

⁵⁷ Kolstø.

Рисунок 2: Согласны ли вы с тем, что граждане Российской Федерации – это российская нация? % ⁵⁸

- Да
- Для этого потребуются десятилетия
- Затрудняюсь ответить
- Чтобы так было, требуется еще несколько лет
- В условиях России единая нация возникнуть не может

В действительности общественные настроения являются более этническими националистическими, чем официальная программа, проводимая государством, даже несмотря на то, что определенная политика последних лет отводила этническим русским особую роль. Это подтверждается результатами исследований, которые неизменно демонстрируют корреляцию между отсутствием поддержки Путина и ксенофобией.⁵⁹ Имеются также важные региональные и демографические различия. Теодор Гербер, используя данные российских избирательных исследований (DIRES) от компании Demoscasy International за 2011 и 2012 годы, обнаружил, что более молодые этнические русские с большей вероятностью проявляют такую ксенофобию по отношению к другим этническим группам, тогда как более старшие этнические русские с большей вероятностью будут враждебно настроены по отношению к внешним группам т.е. Запад или США.⁶⁰ Москвичи также проявляют гораздо более ксенофобское отношение как к другим российским этническим группам, так и к иностранным группам. В сочетании с данными недавнего опроса, проведенного в 2019 году, картина становится более интересной, поскольку молодые россияне также с

⁵⁸ Тишков, 378.

⁵⁹ Theodore P. Gerber, 'Beyond Putin? Nationalism and Xenophobia in Russian Public Opinion', *The Washington Quarterly*, 10 November 2014, <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/0163660X.2014.978439>; Hannah S. Chapman et al., 'Xenophobia on the Rise? Temporal and Regional Trends in Xenophobic Attitudes in Russia', *Comparative Politics* 50, no. 3 (2018): 381–94.

⁶⁰ Alexey Bessudnov and Andrey Shcherbak, 'Ethnic Discrimination in Multi-Ethnic Societies: Evidence from Russia', *European Sociological Review* 36, no. 1 (1 February 2020): 104–20, <https://doi.org/10.1093/esr/jcz045>; Chapman et al., 'Xenophobia on the Rise?'

большей вероятностью идентифицируют себя как граждане России на основе общего государства.⁶¹

Противоречия с «Российской нацией»: взгляд из регионов

Вышеупомянутое обсуждение указывает на сохраняющееся противоречие между наднациональной концептуализацией политического сообщества и концепцией, отводящей этническим русским привилегированную роль. Я утверждаю, что это противоречие является неотъемлемой частью того, как федеральный центр истолковывает российскую нацию, которая была смоделирована на основе сильного центрального государства и чье символическое содержание часто пересекается с этническими русскими, а иногда и неотличимо от них. Вот почему я согласен с Марлен Ларюэль, которая предостерегает от рассмотрения третьего срока Путина (2012–2018 годы) как некоего поворота в государственной политике, т.к. есть фундаментальные общие черты и преемственность.⁶² Во-первых, правительство никогда не отказывалось от своей основной приверженности «российской нации», которая, возможно, за этот период стала более разносторонней, объединяя и приспособлявая все более разнообразные идеологии и взгляды.⁶³ Более того, и этнические русские, и имперский национализм, как правило, настроены против режима, особенно на периферии.⁶⁴ Однако в то же время мы наблюдаем рост напряженности в проекте «Российская нация».

Постановление 2012 года «О государственной национальной политике Российской Федерации до 2025 года» демонстрирует неоднозначность, которую правительство часто проявляет в балансировании интересов как этнических, так и гражданских концепций нации.⁶⁵ Пал Колсте отмечает, что риторика в этом документе сильно отличалась от риторики ельцинской эпохи, хотя и не являлась явным этническим намеком. Например, хотя указ избегает каких-либо явных формулировок об этнических русских, в нем также утверждается, что русский народ - «это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром».⁶⁶ Помимо Общероссийского союза общественных объединений

---

⁶¹ Л. М Дробижева, 'Смыслы Общероссийской Гражданской Идентичности в Массовом Сознании Россиян', *Мониторинг Общественного Мнения: Экономические и Социальные Перемены* 4 (2020): 492, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261>.

⁶² Marlène Laruelle, 'Russia as an Anti-Liberal European Civilisation', in *The New Russian Nationalism*, 2016, 275–97.

⁶³ Helge Blakkisrud, 'Blurring the Boundary between Civic and Ethnic: The Kremlin's New Approach to National Identity under Putin's Third Term', in *The New Russian Nationalism*, 2016, 249–74; Shevel, 'Russian Nation-Building from Yel'tsin to Medvedev'; Marlène Laruelle, 'Is Nationalism a Force for Change in Russia?', *Daedalus* 146, no. 2 (April 2017): 89–100, https://doi.org/10.1162/DAED_a_00437.

⁶⁴ Marlène Laruelle, *Russian Nationalism: Imaginaries, Doctrines, and Political Battlefields*, 1st ed. (Routledge, 2018), <https://doi.org/10.4324/9780429426773>.

⁶⁵ 'О Стратегии Государственной Национальной Политики Российской Федерации На Период До 2025 Года', accessed 17 August 2021, <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949&rdk=0>.

⁶⁶ 'О Стратегии Государственной Национальной Политики Российской Федерации На Период До 2025 Года'.

«Российская нация», в 2007 году «Единая Россия» также запустила собственный «Русский проект», который находился в трудном положении: пытаясь создать приемлемую платформу для этнического русского национализма, которая достаточно далека от российской нации (и для того, чтобы отвлечь людей от дискурса, проводимого (и монополизированного) крайне правыми антиправительственными группами), но также пытаясь успокоить тех, кто переживали, что проект был просто средством для продвижения этнических русских как верхушки этнической иерархии.⁶⁷ Например, в одной из теледебатов ведущий спросил Ивана Демидова - руководителя проекта - считает ли он себя «дважды русским», потому что он одновременно этнический русский и член русской политической нации, в то время как Борис Немцов (который был евреем) не был.⁶⁸

Статья, опубликованная Путиным по национальному вопросу в преддверии президентских выборов 2012 года, была столь же двусмысленной, критикуя идею «русского «национального», моноэтнического государства», с одной стороны, но при этом оставляя место для более явной поддержки этнического национализма, заявив, что «Русский народ является государствообразующим».⁶⁹ Такой оборот фразы - к большому удовольствию националистов - обнаружится в новых конституционных поправках 2020 года, в частности в статье 68:

“Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации [курсив – новый текст в поправках].”⁷⁰

Хотя в Конституции прямо не упоминаются этнические русские, поправка вызвала широкую критику со стороны неэтнических русских, а также самого Тишкова, который утверждал в критическом посте на Фейсбуке, что «дурные головы» вставили текст.⁷¹ Позже, его заявления были более осмотнительными, показывая, что он соглашается с тем, что «всегда существует дистанция между политическим языком и научной истиной», добавляя, что «есть также другие поправки, которые

---

⁶⁷ Борис Левич, “‘Русский проект’ ‘Единой России’ обрел свое лицо”, Известия, 29 March 2007, <https://iz.ru/news/323094>; “‘Русский проект’ – идеологический проект ‘Единой России’”, Радио Свобода, accessed 18 August 2021, <https://www.svoboda.org/a/378208.html>.

⁶⁸ Shevel, ‘Russian Nation-Building from Yel’ tsin to Medvedev’, 191.

⁶⁹ Kolstø and Blakkisrud, *The New Russian Nationalism*, 39; ‘Владимир Путин. Россия: Национальный Вопрос’, accessed 18 August 2021, http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.

⁷⁰ ‘Новый текст Конституции РФ с поправками 2020’, Государственная Дума, accessed 16 August 2021, <http://duma.gov.ru/news/48953/>.

⁷¹ ‘Facebook’, accessed 16 August 2021, <https://www.facebook.com/ValeryTishkovRAN/posts/2680827198703284>.

исправляют этого».⁷² Тем не менее, на это напряжение стоит обратить внимание, поскольку Тишков был доминирующей интеллектуальной фигурой российской нации и в отличие от других фигур (которые либо воздерживались от общественной деятельности, либо решительно выступали против нынешней администрации), он был видным сторонником администрации Путина и Медведева, и остается выдающейся фигурой в истеблишменте: совсем недавно он публично обсуждал с Путиным текущую подготовку к переписи населения России 2021 года в марте 2021 года на заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ.⁷³

Хотя Тишков явно не был в восторге от подтверждения особой роли этнических русских в Конституции, тем не менее, это согласуется с общим проектом «Российская нация». Во-первых, Тишков утверждал, что «безусловно, что культурной основой формирования политических (гражданских) наций чаще всего служат культура и язык доминирующего большинства, но это всегда условность, ибо любое государство и заключенное в его границах общество всегда имели и имеют сложный этнический состав».⁷⁴

Это объясняет, почему Тишков помещает Францию вместе с Испанией, Индией или Великобританией в одну категорию «национальных государств», несмотря на то, что Франция почти исключительно рассматривается учеными как централизующее анти-этническое государство. Примечательно, что Тишков сначала обращается к французскому опыту, затем цитирует спор между лидером французской коммунистической партии Жоржем Марше и Советской Академией наук, которая под руководством этнографа Соломона Брука в 1981 году опубликовала этнодемографический справочник. Тишков рассказывает, что Марше пытался объяснить Брежневу, что - вопреки справочнику, в котором перечислены корсиканцы, каталонцы, бретонцы и т. д. - во Франции нет этнических групп, а есть только французская нация. Показательно, что Тишков утверждает, что в то время он был на стороне Брука, тогда как теперь он считает, что Марше был прав, поскольку «иначе, по Бруку, получалось, что корсиканец Бонапарт не был французом, а уж бывший лидер нации Саркози тем более не принадлежит к ней!»⁷⁵ Продолжает: «Но тогда что есть французы как нация? Это историческая, культурная и социально-политическая общность в рамках государственного образования, обладающая культурной сложностью, которая сжималась в годы политической централизации и общегражданских потрясений и

---

⁷² 'Валерий Тишков: «Если Будут Эмиссары Пропагандировать «запишись Татаринном» - Это Позорная Кампания», accessed 19 August 2021, <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=13085ec9-1046-438c-be6c-bb2e3840a3e1>.

⁷³ 'Заседание Совета по межнациональным отношениям', Президент России, accessed 10 August 2021, <http://kremlin.ru/events/president/news/65252>.

⁷⁴ Тишков, *Российский народ. История и смысл национального самосознания*, 586.

⁷⁵ Тишков, *Российский народ. История и смысл национального самосознания*, 597.

обретала актуализированное старое и вновь обретенное разнообразие в эпоху демократизации, деколонизации и массовых миграций.»⁷⁶

Тишков, как и многие другие «государственники» в России, явно восхищается французской системой, а также централизацией, которая имела место при администрациях Путина и Медведева. Но французская система, конечно, крайне враждебна любому институционально признанному подразделению республиканского сообщества граждан и даже формулировкам, которые постоянно появляются, когда речь идет о российской нации. Например, закон 1991 года, в котором «корсиканский народ» описывался как «часть французского народа», был быстро объявлен неконституционным Конституционным советом [*Conseil Constitutionnel*] за то, что поставил под сомнение неделимость единого французского гражданства.⁷⁷ Недавно, 13 августа 2021, Конституционный совет объявил закон о сепаратизме [*Projet de loi confortant le respect des principes de la République*] конституционным.⁷⁸ Хотя этот закон в основном сосредоточен на секуляризме (закон специально сосредоточен на угрозах со стороны радикального ислама, ужесточении правил домашнего обучения и гражданских ассоциаций), закон, тем не менее, ясно применяется ко *всем* типам сепаратизма.⁷⁹

Сходство между российской нацией и более откровенно анти-этническим подходом к построению нации является не просто совпадением, но отражает противоречие между надэтнической гражданской идентичностью и более ассимиляционной политикой построения нации, основанной на языке и культуре основной этнической группы. На лекции для студентов в Санкт-Петербурге в 2018 году Тишков кратко резюмировал данные противоречия в проекте «Российская нация»:

*“Россия невозможна без русского языка. Можно представить ее без любого другого народа (не хочу никого обижать), но без русских нет и России. И русский является государственным языком всей нашей страны, всего нашего народа. 99,4 % россиян владеют русским языком.”*⁸⁰

Утверждая, что только русский язык и этнические русские необходимы для гражданского национализма в Российской Федерации, логически никакие остальные этнические группы и языки нужны. Трудно избежать подразумеваемой здесь иерархии. Комментарии Тишкова относительно демографической ситуации

---

⁷⁶ Тишков, *Российский народ. История и смысл национального самосознания*, 597.

⁷⁷ Gwénaële Calvès, ‘Color-Blindness at a Crossroads in Contemporary France’, in *Race in France*, ed. Herrick Chapman and Laura L. Frader, 1st ed., *Interdisciplinary Perspectives on the Politics of Difference* (Berghahn Books, 2004), 219–26, <https://www.jstor.org/stable/j.ctt9qd4tb.13>; ‘Le peuple corse n’existe pas’, *Les Echos*, 10 May 1991, sec. 1991, <https://www.lesechos.fr/1991/05/le-peuple-corse-nexiste-pas-946436>.

⁷⁸ ‘Décision n° 2021-823 DC’ (2021), <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2021/2021823DC.htm>.

⁷⁹ ‘Projet de loi n° 3649 confortant le respect des principes de la République’, accessed 20 August 2021, https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/textes/l15b3649_projet-loi.

⁸⁰ В. А. Тишков, *Российский Народ: Пространство и Культура* (СПбГУП, 2018).

в Российской Федерации отражают аналогичную двойственность: несмотря на падение рождаемости, количество этнических русских увеличивается за счет того, что «Смешанных браков сейчас примерно 15 % от общего числа. Дети от русско-украинских, русско-татарских, русско-мордовских, русско-чувашских браков практически в 100 % случаев выбирают русскую идентичность.»⁸¹ Для представителей нерусских народов, такая статистика не служит утешением.

Повышенная этническая идентификация среди неэтнических русских:

Представление Тишкова о построении российской нации находится в трудном положении: его критикуют как за враждебность к этническому русскому национализму, так и за то, что «российская нация» является проводником этнической русификации (поскольку построение единой гражданской национальной идентичности в значительной степени опирается на основную русскую этническую группу).⁸²

Самая перспективная сфера для наблюдения этой напряженности касается отношений между российским государством, с одной стороны, и неэтническими русскими, с другой. Если первая продолжит продвигать национальное строительство на основе понятия этнической иерархии, то можно ожидать, что напряженность будет наиболее острой там, где существующие этнические идентичности наиболее развиты. Жители нерусских регионов менее склонны к ощущению принадлежности к России, как показано в Таблице 3 ниже, взятой из исследования 2008 года по заказу Министерства регионального развития Российской Федерации [Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации]. Действительно, один из последовательных выводов состоит в том, что титульные респонденты в этнических республиках России (например, якуты в Якутии, татары в Татарстане) идентифицируют себя преимущественно со своей этнической группой и регионом, а не с российским государством.⁸³

Таблица 3: ответы на вопрос об ощущении принадлежности к России, % (отмечены жирным шрифтом города в нерусских регионах)⁸⁴

Место опроса	В сильной степени	В некоторых ситуациях	Не ощущаю принадлежность	Затрудняюсь ответить
Пятигорск	53	32	6	9

⁸¹ Тишков, 14.

⁸² Shevel, 'Russian Nation-Building from Yel'tsin to Medvedev', 183.

⁸³ Л. М Дробижева, 'Российская Идентичность в Массовом Сознании', *Вестник Российской Нации* 3, no. 1 (2009): 142.

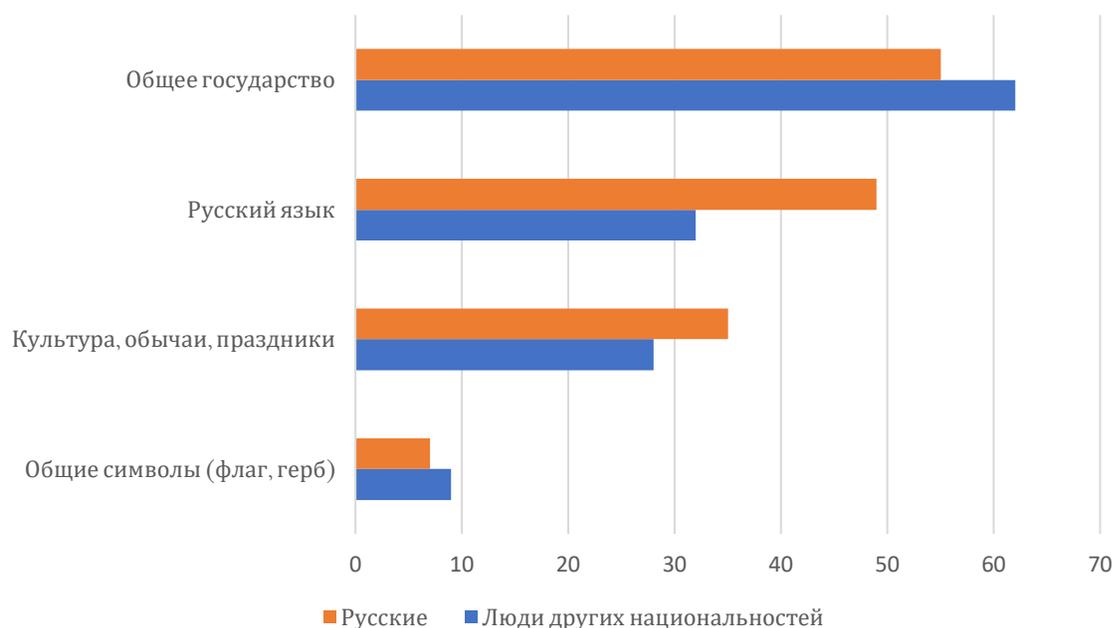
⁸⁴ Тишков, *Российский народ. История и смысл национального самосознания*, 376.

Оренбург	51	32	5	12
Тула	48	34	6	12
Архангельск	47	37	6	10
<i>Сыктывкар</i>	47	29	9	15
Москва	46	27	14	12
Екатеринбург	45	36	6	13
Сургут	45	37	8	11
Хабаровск	44	29	8	18
<i>Горно-Алтайск</i>	44	32	10	15
Омск	42	34	7	17
Балаково	40	32	13	15
<i>Якутск</i>	24	40	20	16
<i>Грозный</i>	21	39	17	24
В целом	45	30	12	13

Более поздние результаты исследования 2019 года, представленные на рисунке 3, показывают более неоднозначную картину. С одной стороны, общее государство является более консолидирующим фактором для неэтнических русских, чем для этнических русских, вместе с общими государственными символами, что свидетельствует о том, что этнические русские идентифицируются с этими символами меньше, чем неэтнические русские. Более этнические маркеры идентичности, такие как язык и культура, показывают гораздо более резкую разницу между этническими и неэтническими русскими [К сожалению, сама база данных недоступна, поэтому невозможно свести результаты в перекрестную таблицу и интерпретировать план обследования в более детально].

Рисунок 3. Различия в распространенности консолидаторов российской идентичности в представлениях русских и людей других национальностей, в % от опрошенных, %⁸⁵

⁸⁵ Дробижина, 'Смыслы Общероссийской Гражданской Идентичности в Массовом Сознании Россиян', 490.

Помимо данных опросов, качественные исследования аналогичным образом показали, как этническая идентичность в этнических республиках России продолжает функционировать в качестве важного социального ресурса. Как предполагают ученые, национализм может стать своего рода социально важным продуктом, в который люди могут инвестировать как форму социального капитала в рыночных и авторитарных условиях.⁸⁶

Заключение:

Общая национальная идентичность остается одним из самых мощных источников легитимности государств в современную эпоху. В многонациональных государствах, таких как Российская Федерация, формирование общего чувства принадлежности к людям представляет собой серьезный вызов. В то время как федеральное правительство сформулировало гражданское, наднациональное видение политического сообщества в ранний постсоветский период, национальное строительство в значительной степени отошло на второй план и было реактивным, адаптируясь и участвуя в отражении различных идеологических вызовов.

Ускорение политики государственного строительства в 2000-х и 2010-х годах совпало с централизацией государства и усилением исполнительной ветви власти при Путине, что свидетельствует о том, что государственное строительство

⁸⁶ David D. Laitin, *Nations, States, and Violence* (OUP Oxford, 2007); Guzel Yusupova, 'Cultural Nationalism and Everyday Resistance in an Illiberal Nationalising State: Ethnic Minority Nationalism in Russia', *Nations and Nationalism* 24, no. 3 (2018): 624-647, <https://doi.org/10.1111/nana.12366>.

является, по крайней мере, фактором, способствующим пониманию политического развития России в XXI веке.

Однако в то же время ускорение и активизация усилий по национальному строительству выявили некоторые противоречия в рамках проекта «Российская нация», а именно его неоднозначное отношение к основной этнической группе русских. В то время как государство последовательно отрицает откровенно этнический национализм, его политика все чаще создает привилегированную зону для этнических русских, что недавно продемонстрировали поправки к Конституции 2020 года, в которых этнические русские определены как государствообразующий народ. Вместо того, чтобы отмечать явный отход, я предполагаю, что такие шаги вполне соответствуют тому, как элиты истолковывают отношения между этническими русскими и гражданской российской идентичностью.

Поэтому ключевой вопрос, который возникает при этом, заключается в том, совместима ли эта идентичность в формировании с существующими расколами, особенно среди неэтнических русских. Учитывая растущую значимость этнической принадлежности среди неэтнических русских, особенно титулованных в этнических республиках, успех проекта российской нации, вероятно, будет во многом зависеть от того, в какой степени центральное и региональное правительства смогут справиться с существующей напряженностью и как эта идентичность воспринимается людьми за пределами Москвы.